

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

И.Б. БОВИНА

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ

В работе рассматриваются основные положения теории социальных представлений, анализируются истоки теории, а также ее современное состояние. Особое внимание уделяется обсуждению различных подходов к анализу социальных представлений.

Ключевые слова: социальные и коллективные представления, структура социального мышления, структура и динамика социальных представлений, функции социальных представлений, темата.

Возникновение теории социальных представлений в начале 1960-х годов явилось ответом европейской социальной психологии на кризис в этой науке, связанный с доминированием американской традиции. С точки зрения С. Московиси, предназначение теории социальных представлений заключается в анализе современных социальных проблем, тех, что заботят людей в повседневной жизни. Исследуемые процессы должны рассматриваться на уровне не изолированного индивида, но социального контекста. Такая теория соответствует определению социальной психологии как антропологии современной культуры, данному С. Московиси.

В данной работе мы уделим особое внимание анализу тенденций развития этой теории, поскольку на русском языке существует ряд работ, в которых излагаются ее основные положения [4, 6, 7, 10], но едва ли можно найти описания ее современного состояния.

С. Московиси обращается к «забытому» понятию *представления*, делая его ключевым в теории социальных представлений. Действительно, со времен дюркгеймовской социологии это понятие практически исчезло из социологического и социально-психологического лексикона, оттесненное более «операциональными» терминами. После окончания Первой мировой войны идеи Э. Дюркгейма отходят

Бовина Инна Борисовна — доктор психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, 11–9.
Телефон: (495) 629–57–49. Электронная почта: innabovina@yandex.ru

на второй план, вместо них появляются новые течения в социальных науках, среди которых — структурализм и марксизм [29].

С. Московиси отмечает, что «если реальность социальных представлений легко схватить, то это не так просто в отношении самого понятия» [32, р. 79]. Причины этих затруднений разделяются на «исторические» и «неисторические». Первые предлагается оставить на суд историков, а вторые, по сути, сводятся к одной — специфике положения этого понятия на перекрестке социологических и психологических понятий. Проблема заключается в том, что перекресток этот достаточно тесен, дороги, ведущие от него, — многочисленны. Отсюда у психоаналитиков, клиницистов, психологов возникает основание полагать, что можно сходить и расходиться на этом перекрестке, при этом — никогда не встречаясь друг с другом. В итоге получается, что: во-первых, в концепциях, «соседних» по отношению к теории социальных представлений, не делается никаких указаний на эту теорию. Так, в работах П. Бурдьё речь идет об организующем принципе, понятии, близком к представлению, при этом не делается никаких ссылок на работы С. Московиси [17]. Во-вторых, понятие социального представления оказывается многозначным, под ним понимают различные феномены и процессы. Среди всего многообразия феноменов и процессов, если ограничиться только идеями С. Московиси [32], можно найти указание на то, что социальное представление — это промежуточная стадия между понятием и восприятием. В отличие от восприятия представление позволяет восстанавливать то, что отсутствует в нашем окружении в настоящий момент, оно опирается на символы, социальную реальность и социальное знание, а не на перцептивное знание. Любопытно еще одно определение, согласно которому «представление = образ/значение» [34, р. 31]. Представление имеет два аспекта — концептуальный и иконический. Концептуальный аспект рассматривается в связи со знанием и языком, иконический связан с образом, он подчинен концептуальному. Московиси акцентирует внимание на значимости образа, цитируя Д. Хебба: «Вы можете с трудом повернуться в психологии без того, чтобы не столкнуться с образом» [35, р. 19]. И хотя мы можем отдать предпочтение слову, а не образу, это не означает, что сам образ при этом исчезнет [35, р. 19]. Эта двойственность аспектов представления приобретает особую значимость в связи с социальным неравенством, где массам доступен преимущественно иконический аспект, а привилегированным классам, элите, — более сильный, концептуальный. Аналогичным принципом руководствуются современные СМИ: фигуративная риторика рассчитана на массы, лингвистическая — на просвещенное меньшинство [35]. Образ и смысл неразделимо связаны в представлении: любому значению соответствует образ, любому образу — значение.

Наконец, еще одно определение социального представления, предложенное С. Московиси: это цепочка идей, метафор и образов,

более или менее свободно связанных друг с другом. Эта гибкая связь обеспечивает их бóльшую подвижность по сравнению с теориями [33]. Социальные представления в движении напоминают скорее деньги, нежели язык. «Подобно деньгам, они циркулируют, принимают различные формы в памяти, восприятии, работах искусства... они всегда опознаются как идентичные, в то же самое время 100 франков могут быть представлены как банкнота, как чек путешественника или цифра в банковском счете» [33, р. 245].

Теория основана на эпистемологии, которая приносит в центр внимания динамическую зависимость между культурно разделенными формами мышления, их передачей через коммуникацию и трансформацией посредством активности индивидов и групп. Эти феномены имеют двойную направленность: с одной стороны, они коренятся в культуре, языке и истории, что отражает тенденцию к *стабильности*; с другой — связаны с социальными, политическими и экономическими изменениями, характерными для групп, выработавших представления, что отражает тенденцию к *изменению*.

Представления историчны в том смысле, что это идеи, выступающие в качестве организующих принципов в определенный исторический момент для ряда объектов и ситуаций. Отсюда для их понимания нам требуется анализ того, как они изменяются со временем, как они следуют за трансформациями, происходящими в обществе. Само общество, по С. Московиси, — это не столько источник информации, сколько источник *значений* [34]. С другой стороны — это культурно-специфические сущности. Люди в различных культурах производят различные образы одной и той же социальной реальности, вырабатывают различные представления. Представления комплексны, вписаны в «рамку предшествующих идей» и зависят от системы убеждений, характерных для тех или иных ценностей, традиций, образов мира. Представления могут быть обозначены как дискурсивное мышление, символическая система, включающая язык. Если традиционно, как отмечает С. Московиси, язык не являлся приоритетным предметом изучения в социальной психологии, то благодаря теории социальных представлений он оказывается в центре внимания [33]. Без языка нет представлений, они хранятся в языке, через анализ которого становится доступным исследование представлений и их изменений.

С. Московиси подчеркивает, что теория социальных представлений базируется на идеях Э. Дюркгейма. Социолог предложил различать индивидуальные и коллективные представления [5], но он не дал интегративного определения, которое позволило бы их обобщать. Индивидуальные представления связаны не со знаниями, но скорее с физиологическими явлениями, они должны быть предметом анализа индивидуальной психологии. Люди, обладая только этими представлениями, были бы подобны животным. Коллективные представления —

образы, убеждения, символы, понятия — появляются непосредственно из социальных структур. Определив место индивидуального и коллективного как предметов изучения, Дюркгейм не решил проблемы отношений между индивидуальными или коллективными представлениями¹.

«Очевидно, — пишет С. Московиси, — что понятие социальных представлений пришло к нам от Дюркгейма. Но мы имеем отличающуюся точку зрения на это, или, в любом случае, социальная психология должна рассматривать это под другим углом, чем это делается в социологии» [34, р. 30]. Для Дюркгейма представления — неразложимые далее объясняющие принципы; Московиси предлагает рассматривать социальные представления с точки зрения их структуры и динамики, «считать феноменом то, что ранее рассматривалось как понятие» [34, р. 30]. Коллективные представления созданы и поддерживаются всем обществом, они стабильны во времени, включают достаточно широкий круг интеллектуальных форм, среди них — наука, религия, миф, модальности пространства и времени. Сами эти явления слишком гетерогенны и не могут быть определены с помощью нескольких общих характеристик. Для Московиси социальные представления — специфический способ понимания и коммуникации, «который создает реальность и здравый смысл» [34, р. 33]. Они, в отличие от статических коллективных представлений, соответствующих традиционному обществу, являются динамическими образованиями, появляющимися и функционирующими в современном обществе.

Таким образом, разница между коллективными и социальными представлениями просматривается через изменение общества, в котором они возникают, социального контекста, в котором они порождаются, что и обуславливает переход от представлений коллективных к социальным.

Сегодняшние представления более не выполняют функцию социальной интеграции, не гарантируют солидарности тем, кто их разделяет. Если в традиционном обществе церковь, государство, папа и король определяют легитимность знаний и убеждений, то в современном существует децентрализованная форма легитимизации знаний [29], представления, вырабатываемые различными группами, претендуют на то, чтобы «установить гегемонию» [20, р. 468].

Идеи Дюркгейма — не единственный интеллектуальный источник теории социальных представлений. Дж. Дювин и Р. Фарр [19, 24] видят определенное созвучие между идеями теории социальных представлений и идеями В. Вундта в отношении социального

¹ Это разделение, по мнению Р. Фарра, «спровоцировало кризис идентичности у социальных психологов, который они не были способны разрешить в течение всего XX века» [22, р. 736].

и индивидуального в социальной психологии [3]. Благодаря в том числе теории социальных представлений, в психологию вновь вернулась культура, которая со времен В. Вундта несколько раз *появлялась и уходила со сцены*.

С. Московиси указывает на связь своей концепции с идеями Л.С. Выготского, Л. Леви-Брюля, Ж. Пиаже, которые, правда, *так или иначе* учитывают идеи Дюркгейма. Обозначим общую линию, которую можно вести от работ Дюркгейма через труды Леви-Брюля, Пиаже и Выготского к теории социальных представлений.

С. Московиси формулирует три важные темы, которые можно обнаружить в работах Леви-Брюля, касающиеся природы представлений в так называемых «примитивных культурах» [35]: 1) коллективные представления непроницаемы по отношению к опыту; 2) все люди чувствительны по отношению к противоречию, но это не касается разделяемых ими представлений. Это относится, в первую очередь, к традиционным культурам, где действует закон партиципации; 3) язык, с точки зрения Леви-Брюля, это форма социального представления, можно сказать — система, основанная на социальных представлениях. В примитивных культурах требуется точное воспроизведение образов, ситуаций, людей. Словарь языка этих культур богат, гибок, он всегда готов измениться в зависимости от ситуации.

Эти темы, по С. Московиси, являются предметом интереса Ж. Пиаже и Л.С. Выготского, ибо ребенка, который стал объектом их исследований, они искали не только «в школах Женевы и Харбина, но также и в книгах Леви-Брюля!» [35, р. 216]. Вдохновленный идеями Ж. Пиаже и Л.С. Выготского о том, как мыслят дети, С. Московиси сфокусировал внимание на обыденном сознании взрослых.

Можно проводить определенные параллели между теорией социальных представлений и идеями М. Бахтина, касающимися диалогичности познания и коммуникации [29]. Бахтин один из первых четко сформулировал идею о том, что диалогичность подразумевает, что индивиды живут в мире других миров. Люди создают миры в терминах других, а все существование *self*, по сути, ориентировано на язык и мир других. Эта идея достаточно четко присутствует в теории социальных представлений С. Московиси.

Источники социальных представлений — *научное знание и убеждения*. Различать типы представлений в зависимости от этих источников можно с большой степенью условности, так как все представления основываются в большей или меньшей степени на них обоих. Однако по преобладанию того или иного источника получается, что если индивиды и группы ищут истину в отношении объекта, то возникающие представления основаны на знаниях. Если представления поддерживаются через консенсус с другими, то они основаны на убеждениях [29].

С. Москвиса предлагает различать следующие типы представлений: 1) *руководящие* — разделяемые всеми членами группы; они единообразны и принудительны; 2) *эмансипированные* — продукт циркулирующих знаний и идей, принадлежащих подгруппам, пребывающим в более или менее тесном контакте. Каждая подгруппа вырабатывает свое собственное представление; 3) *полемические* — выработаны в ситуации социального конфликта или полемики, не разделяются всеми членами общества. Эти представления определяются антагонистическими отношениями между членами общества [32]. До настоящего момента остается открытым вопрос о том, есть ли это три различных типа представлений или это три этапа в развитии представления. Так или иначе, но каждый из названных типов представлений предполагает различную степень свободы для человека с точки зрения конструирования индивидуальных представлений.

В социальной жизни индивида постоянно подстерегают разного рода неожиданности. Однако ему важно сохранить внутреннюю картину мира непротиворечивой. Для этого необходимо сделать необычное — обычным, то есть произвести соответствующие изменения в структуре знаний и оценок, оставляя при этом универсум согласованным [4]. В этой трансформации чего-то неизвестного, пугающего, зловещего — в известное заключается *одна* из наиболее важных *функций представлений* [34]. Принцип знакомости занимает важное место в психологии и социологии. Неизвестное можно сделать известным посредством использования известного контекста (исторического или культурного). *Защитная* функция представлений являет собой способ символической борьбы с угрозой, когда реальный нам недоступен, ибо он — удел специалистов.

Будучи социально выработаны и разделены, представления порождаются в коммуникациях, в бесчисленных диалогах. Они же выполняют и другую важную *функцию* — облегчение осуществления коммуникаций. Остальные *функции* социальных представлений заключаются в ориентации поведения индивидов и оправдании социальных отношений, в конструировании и поддержании социальной идентичности.

В недавних исследованиях Т.П. Емельяновой [7] показано, что социальные представления выполняют функцию стабилизации эмоционального состояния членов отдельных социальных групп в условиях социальной нестабильности, порожденной трансформацией общества.

В начале 1990-х годов теория социальных представлений получила дальнейшее развитие; было введено новое понятие — *темата* [31]. Под тематой подразумевается первоидея, «источник идей», который порождает новые аксиомы в эволюции наших представлений о мире. Темата — это часть знаний или убеждений, явно или неявно присутствующих в коммуникации и воспринимаемых как очевидные.

Темата коренится в культуре, она обладает генеративной и нормативной силой в формировании представления, «в установлении соответствия между “новой” информацией и уже существующей» [35, р. 31].

Введение этого понятия дает возможность рассматривать роль коллективной памяти, культуры и языка в процессе формирования представлений, ибо темата поддерживается коллективной памятью и языком. Благодаря темате обеспечивается родовое сходство между различными представлениями. Одна темата может быть связана с другой, и обе они участвуют в возникновении нового представления. Как было показано в исследовании представлений о демократии в Восточной Европе, две несвязанные тематы — демократия и рыночная экономика — привели к двум ядерным понятиям, «ответственность» и «права» в появляющемся представлении о гражданстве [29].

Для выявления места тематы в социальном мышлении обратимся к схеме, предлагаемой М.-Л. Рукетом [25] (рис.). Два параметра позволяют выстраивать иерархию социального мышления: интра- и интериндивидуальное варьирование, а также уровень интеграции позиций. Темата занимает наиболее высокое положение в иерархии социального мышления. Это означает, что она обладает высоким уровнем интеграции позиций и низким — интра- и интериндивидуального варьирования. Конструкты более низкого уровня могут изменяться, оставляя неизменными конструкты более высокого уровня, но изменения конструктов более высокого уровня приводят к изменениям на всех уровнях, расположенных ниже.

Идеологический уровень
(убеждения, ценности, нормы, *темата*)
Социальные представления
Аттитюды
Мнения

Рис. Структура социального мышления [25].

Понятие тематы восходит к работам Дж. Холтона [26], предпринявшего анализ истории развития науки. С его точки зрения, направление научной мысли определяется, в первую очередь, небольшим количеством антиномий, которые называются *темата*. Темата — это долго существующее, стабильное когнитивное образование, которое задает научные представления и участвует в их трансформации. Среди темат, представляющих собой диады или триады, — атомичность/континуум, простота/сложность, анализ/синтез, постоянность/эволюция/катастрофическое изменение. Тематический анализ Холтона свидетельствует о том, что развитие науки связано с поиском консенсуса между тематами.

Говоря о порождении представлений, С. Московиси проводит аналогию с научным мышлением, указывает, что темата лежит в основе порождения социального представления [31]. Среди антиномий здравого смысла: «мы»-«они», «человек»-«не-человек», «страх»-«надежда» и др. Однако не все антиномии мышления являются тематами, некоторые из них могут быть «спящими», то есть могут передаваться из поколения в поколение, становясь частью культуры, и при этом не рефлексироваться. Оппозиции могут стать тематой в том случае, если они оказываются в фокусе общественного внимания и в результате попадают в публичный дискурс. Примером такой ситуации могут быть социальные, политические, экономические изменения. Возникшая темата способствует формированию представлений о том или ином объекте [29].

Представления содержат противоречащие элементы, но это не мешает нам в повседневной жизни, так как мы живем не в одном гомогенном мире, но во многих мирах, каждый из которых имеет свою собственную форму дискурса и мышления [39]. Наличие таких противоречащих друг другу элементов обнаруживается в исследованиях представлений об интеллекте. Родители могут разделять идею о том, что интеллект их ребенка — это некий дар, в противоположность мнению о связи интеллекта с обучением. С другой стороны, те же родители могут считать, что интеллект обусловлен обучением. Эти два противоположных объяснения могут ужиться вместе, так как каждое из них используется в определенном социальном контексте, в определенной ситуации: в семье или в школе, в отношении собственного ребенка или чужого. В теории социальных представлений не идет речи о правильном и ошибочном представлении. Динамическое сосуществование различных типов знания, соответствующих отношению человека и его окружения, определяет состояние *когнитивной полифазии* [32]. Одни представления требуются нам, например, при построении отношений с нашими друзьями или семьей, другие становятся важными в ситуации решения политической, экономической или иной задачи, вне контекста взаимодействия с близкими. Отсюда — в каждой культуре сосуществуют несколько способов мышления, которые люди используют в зависимости от контекста или идентичности [36].

Теория получила преимущественное развитие в рамках различных подходов, связывающих многообразие исследовательских перспектив с «природой жизни в обществе» [23, р. 22]. Существуют различные основания для классификации подходов к изучению социальных представлений. К.Х. Паралез Куенза, например, предлагает различать основные направления исследований в русле теории социальных представлений, которые апеллируют к следующим механизмам [37]: 1) активность групп по конструированию значений и приданию смысла объектам и явлениям окружающего мира (К. Эрлиш,

Д. Жоделе, С. Московиси и др.); 2) интергрупповые отношения (Ж.-П. Ди Гьякомо, В. Дуаз и др.); 3) дискурсивный анализ (М. Биллинг, Р. Харре и др.); 4) структура представлений (Ж.-К. Абрик, П. Вержес, П. Молинер).

Существует отечественный взгляд на социальные представления, где под представлениями предлагается понимать одну из операций социального мышления личности наряду с проблематизацией, интерпретацией и категоризацией [1].

Немало работ по изучению представлений выполнено английскими исследователями, также развивающими идеи теории социальных представлений, но в несколько ином ракурсе. Р. Фарр даже предлагает выделять французскую и английскую традиции [23].

В литературе по социальным представлениям предлагается различать три подхода [13, 38 и др.]. Остановимся здесь кратко на каждом из них: 1) подход В. Дуаза (*Женевская школа*); 2) подход Д. Жоделе (*Парижская школа*); 3) подход Ж.-К. Абрика (*школа Экс-ан-Прованса*). Многочисленные работы являются или комбинированием идей этих школ, или их «промежуточными» формами.

Подход, предложенный В. Дуазом (Женевская школа), получил название динамического. Он фокусируется на изучении влияния социальной структуры на выработку представления, большое внимание уделяется процессу анкеровки.

Апеллируя к работам С. Московиси, В. Дуаз подчеркивает, что теория социальных представлений опирается на понятия системы и метасистемы. Эта теория является «общей теорией о том, как метасистема социального регулирования вмешивается в систему когнитивного функционирования» [цит. по: 15, р. 85]. В основе функционирования когнитивной системы лежат процессы категоризации объектов, нормативную регуляцию этого функционирования осуществляет метасистема. Изучение социальных представлений — ответ на вопрос о том, «какая социальная регуляция какую когнитивную функцию затрагивает и в каком контексте» [цит. по: 15, р. 85]. Это регулирование осуществляется посредством двух социокогнитивных процессов: *объективизации и анкеровки*. Под первым предлагается понимать трансформацию абстрактного в конкретное посредством коммуникации, в результате чего возникают «фигуративные, метафорические или символические значения, которые становятся разделенными, но не консенсусными точками отсчета в процессе обсуждения специфических вопросов» [цит. по: 15, р. 85]. Социальное представление на этом этапе есть словарь значений, возникающих в результате превращения абстрактного в конкретное. Посредством процесса анкеровки образы и значения оказываются заякоренными в имеющихся знаниях и убеждениях. Социальное позиционирование является результатом «захватывания» разделенного знания в различных группах. Группы отличаются друг от друга не только в силу того, что не имеют

доступа к одной и той же информации, но и в силу того, что они разделяют специфичные убеждения и опыт. Социальное позиционирование — это и выражение мнения, и способ обработки информации, оно позволяет привести в соответствие то, что мы думаем, с тем, что думает общество [15]. Социальная позиция подразумевает обладание некоторой общей базой, языком, разделенным между людьми. Позиция, которую занимает индивид, связана и управляется более общими принципами мышления. Степень структурированности этих принципов определяется тем, насколько индивид вовлечен в коммуникации с другими.

Социальные представления определяются в данном случае как «организующие принципы принятия позиции, они связаны со специфическим включением в социальные отношения и организуют символические процессы, вторгающиеся в эти отношения» [18, р. 243]. Организующие принципы стоят над различиями в позициях, занимаемых индивидами. Систематические различия в позициях между индивидами объясняются тем, что эти позиции связываются с различными коллективными символическими реальностями, социально-психологическим опытом, разделенным в различной степени индивидами.

Подход, разрабатываемый Д. Жоделе (Парижская школа), предлагает понимать под социальными представлениями «форму социального мышления, чей генезис, свойства и функции должны быть приближены к процессам, которые влияют на социальную жизнь и социальную коммуникацию, к механизмам, сопутствующим определению идентичности и специфики социальных объектов (индивидов или групп), а также к энергии, которая питает отношения, поддерживаемые субъектами между собой» [28, р. 359]. Вслед за С. Московиси Д. Жоделе подчеркивает, что эта форма знания, разработанная как здравый смысл или наивное, натуральное знание, отделена от научного знания. Оно формируется на основе имеющегося у нас опыта, информации, знаний, а также способов мышления, которые мы усваиваем посредством традиции, образования и социальной коммуникации.

Представления нужно изучать так, чтобы объединить аффективные, ментальные и социальные элементы, интегрировать познание, язык и коммуникацию, а также принять во внимание не только социальные отношения, но и материальную, социальную и воображаемую реальность, которые оказывают влияние на представления. Как отмечает Жоделе, представление всегда коренится в другом, существующем до него, что и было продемонстрировано в исследовании по представлениям о безумии [27]. Динамическая природа представления, заключающаяся в возможности его непрерывного изменения, коренится в его генезисе, в его связи с представлением, существующим до этого [16].

В подходе, предложенном Ж.-К. Абриком (школа Экс-ан-Прованса), ключевым является понятие структуры представлений, поэтому он получил название структурного.

Социальное представление может быть определено здесь как «функциональное видение мира, которое позволяет индивидам или группам придавать значение их поведению, понимать реальность через собственную систему отношений, таким образом адаптироваться к ней и определять свое место в ней» [11, р. 42–43]. Иными словами, это способ видения того или иного аспекта мира, который трансформируется в суждение и действие [25].

Структура представления включает центральное ядро (или центральную систему) и периферическую систему. Ядро является стабильной и устойчивой частью представления, связанной с коллективной памятью, с историей группы, ее ценностями и нормами. Здесь располагаются элементы, в наибольшей степени коренящиеся в культуре. Основные функции ядра состоят в определении структуры всего представления и придании ему смысла. Ядро отражает консенсус внутри группы, играет нормативную роль, выражающуюся непосредственно в суждениях и действиях, в суждениях в отношении действий. Стабильность ядра представления — это результат процесса объективации.

Периферическая система конкретизирует значение ядра представления, выступая в качестве связующего звена между ядром и той конкретной ситуацией, в которой вырабатывается и действует представление. Периферическая система характеризуется вариативностью и изменчивостью [11]. За счет этого свойства она позволяет представлению адаптироваться к изменяющемуся контексту. Это своего рода «защитная система» ядра представления, по сути, — всего представления, так как с изменением ядра изменяется и само представление. Данная часть представления опирается на индивидуальную память. Очевидно, что ядро и периферия находятся в иерархических отношениях, где главное место занимает ядро.

Выявление и анализ всего лишь содержания представления не являются достаточными для изучения последнего. Исследователям требуется, в первую очередь, изучать его ядро, ибо идентичные содержания могут соответствовать различным представлениям, и только анализ структуры позволяет их сравнивать.

Понятия ядра и периферии были интегрированы представителями гуманитарных и социальных наук из теории информации и кибернетики. Любопытна аналогия между структурным подходом к изучению представлений и динамической моделью семиотической системы Ю.М. Лотмана [9]. В структуре культуры можно различать ядро и периферию. Ядро — это относительно негибкое и моновалентное образование, пространство семиотических норм. Периферия — это

пространство семиотических практик, оно неясно и амбивалентно. Чем больше мы удаляемся от ядра, тем больше напряжение в культурной системе между нормами и периферическими жанрами, находящимися в оппозиции к этим нормам. Маргинальные формы искусства могут вступить в конфликт с его главным направлением. Через переговоры конфликт продвигается к центру и изменяет семиотическую сферу культуры, в этом и заключается культурный динамизм [9].

Идея центральности, разделяемая структурным подходом, не является новой. Она присутствует в работах Ф. Хайдера (обращение к ядру для объяснения атрибутивных процессов), а также в работах С. Аша, где речь идет об иерархии элементов: при восприятии человека информация о нем структурируется вокруг «центральной черты», которая «ответственна» за его целостный образ [2].

Изменения в представлениях являются в той или иной степени результатом изменений в самой культуре. Можно сказать, что различие между культурами и обществами просматривается как раз в связи с тем, насколько представления проникли в институты, в убеждения, отношения и поведение их участников, чтобы конструировать реальность. Представления существуют до тех пор, пока группа в них верит. Изменение их обусловлено тем, что представление перестает быть способом объяснения реальности, оправданием поведения в нашей обыденной жизни. Изменяющиеся интересы общества также могут способствовать выработке новых форм коммуникации, а это, в свою очередь, ведет к новым возможностям для циркуляции идей и, в конечном счете, к появлению новых представлений.

В рамках этого подхода исследуется динамика представлений. Это также достаточно новая область в развитии рассматриваемой теории. С точки зрения структурного подхода анализ представлений возможен только благодаря выявлению и сравнению их структуры. В «жизни» представления различают три стадии: *зарождение*, *стабилизация* и *трансформация* [30]. *Зарождение* представления соотносится с появлением нового объекта представления (например, возникновение новой смертельно опасной болезни, как в случае СПИДа) или с повышением социальной значимости уже известного (важность работы для индивидов, находящихся в ситуации безработицы). Продолжительность процесса формирования варьируется в зависимости от того, насколько группе доступна необходимая информация, насколько сложна система коммуникации, каков сам объект представления. Как отмечал Ф. Бартлетт, новое не приходит в культурный вакуум, но подвергается влиянию в контексте уже существующих значений [14], что придает специфику формирующимся социальным представлениям. На этапе *стабилизации* представление превращается в консенсусное знание, становится средством объяснения окружающего мира.

Изменение представления наступает тогда, когда оно уже не способно выполнять свои функции, когда сосуществуют старые и новые формы знания. С точки зрения структурного подхода процесс *трансформации* представления означает, что происходит изменение его ядра, например, элементы ядра перемещаются в периферическую систему, а элементы периферической системы — в ядро.

Изменения периферической системы указывают на столкновение с новой ситуацией. При обратимости этой ситуации изменения затрагивают только периферическую систему, при необратимости — ядро представления, в результате чего изменяется и оно само.

Однако это не единственная позиция в отношении динамики социальных представлений. Дж. Дювин предлагает различать три типа, или три уровня, изменения представлений:

1) *социогенез* — процесс, посредством которого вырабатываются и трансформируются представления в различных социальных группах. По сути, речь здесь идет об историческом измерении представлений. Со временем происходят трансформации, которые касаются объекта представлений, самой группы. Так, сравнение результатов повторного исследования по представлениям о психоанализе с теми, что были получены С. Московиси в 1950-е годы, позволило бы выявить такого рода изменения;

2) *онтогенез* — процесс, посредством которого индивид реконструирует представления и вырабатывает социальную идентичность. Индивиды рождаются в социальном мире, в «думающем обществе» [21, р. 7], соответственно, они усваивают представления, существующие в этом мире;

3) *микрогенез* — посредством этого процесса происходит выработка представлений в процессе коммуникации, социального взаимодействия. Индивиды занимают определенную позицию по отношению к собеседнику, по мере развития взаимодействия позиция может изменяться. Здесь предлагается анализировать язык как средство конструирования социальной идентичности, соотносящейся с социальными представлениями.

Все эти типы изменения представлений взаимосвязаны.

Итак, мы рассмотрели основные положения теории социальных представлений, уделили особое внимание достижениям теории за последние годы. Подчеркнем особо, что разработка идей темати во многом обогатила и углубила понимание процессов формирования социальных представлений, позволила сформулировать новые задачи для дальнейшего развития теории, а также открыла путь для эмпирического исследования этих процессов.

В данной работе вне фокуса нашего внимания оказалась методология исследования социальных представлений. Задача разработки специфической методологии, которая могла бы усилить теории, а

именно так она была изначально сформулирована С. Московиси [32], была успешно выполнена исследователями. Рассмотрению этих вопросов будет посвящена наша дальнейшая работа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова К.А.* Российский менталитет: кросскультурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / РАН, Ин-т психологии; Под ред. К.А. Абульхановой и др. М.: ИП РАН, 1997. С. 7–37.
2. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005.
3. *Вундт В.* Задачи и методы психологии народов // Преступная толпа. М.: Институт психологии РАН — КСП+, 1999. С. 201–308.
4. *Донцов А.И., Емельянова Т.П.* Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М.: Издательство МГУ, 1987.
5. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.
6. *Емельянова Т.П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Институт психологии РАН, 2006.
7. *Емельянова Т.П.* Социальное представление — понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. №. 6. С. 39–47.
8. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление // Общая психология: тексты / Под ред. В.В. Петухова. М.: УМК «Психология», Московский психолого-педагогический университет, 2005. С. 158–167.
9. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992). СПб.: Искусство — СПб., 2004.
10. *Якимова Е.В.* Теория социальных представлений в социальной психологии: дискуссии 1980–1990-х годов. М.: ИНИОН, 1996.
11. *Abric J-C.* A structural approach to social representations // Representations of the social: Bridging theoretical traditions / Ed. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 42–47.
12. *Abric J-C.* La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales // Méthodes d'étude des représentations sociales / Sous la dir. J-C. Abric. Ramonville Saint-Agne: Erès, 2003. P. 59–80.
13. *Apostolidis T.* Représentations sociales et triangulation: enjeux théorico-méthodologiques // Méthodes d'étude des représentations sociales / Sous la dir. J-C. Abric. Ramonville Saint-Agne: Erès, 2003. P. 13–35.
14. *Bartlett F.C.* Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1932.
15. *Clémence A.* Social positioning and social representations // Representations of the social: Bridging theoretical traditions / Ed. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 83–85.
16. *Doise W.* Human rights studied as normative social representations // Representations of the social: Bridging theoretical traditions / Ed. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 96–112.

17. *Doise W.* Les représentations sociales: Définition d'un concept // L'étude des représentations sociales / Ed. by W. Doise, A. Palmonari. Neuchatel: Delachaux et Niestlé, 1986. P. 86–98.
18. *Doise W., Clémence A., Lorenzi-Cioldi F.* Représentations sociales et analyses de données. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 1992.
19. *Duveen G.* Representations, identities, resistance // Representations of the social: Bridging theoretical traditions / Ed. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers. 2001. P. 257–270.
20. *Duveen G.* The psychological production of ideas: Social representations and psychologic // Culture and psychology. 1998. Vol. 4. No. 4. P. 455–472.
21. *Duveen G., Lloyd B.* Introduction // Social representations and the development of knowledge / Ed. by G. Duveen, B. Lloyd. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 3–20.
22. *Farr R.* La représentation collective de l'individu // Bulletin de psychologie. 2001. T. 54. No. 6. P. 735–743.
23. *Farr R.M.* Theory and method in the study of social representations // Empirical approaches to social representations / Ed. by G.M. Breakwell, D.V. Canter. Oxford: Oxrod University Press, 1993. P. 15–38.
24. *Farr R.M.* The roots of modern social psychology. Oxford: Blackwell, 1996.
25. *Flament C.* Rouquette M.–L. Anatomie des idées ordinaires. Paris: Armand Colin, 2003.
26. *Holton J.* The scientific imagination: case studies. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
27. *Jodelet D.* Folies et représentations sociales. Paris: Presses Universitaires de France, 1989.
28. *Jodelet D.* Représentation sociale: Phénomènes, concept et théorie // Psychologie sociale / Sous la dir. S. Moscovici. Paris: Presses Universitaires de France, 1989. P. 357–378.
29. *Markova I.* Dialogicality and social representations. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
30. *Moliner P.* Une approche chronologique des représentations sociales // La dynamique des représentations sociales / Ed. by P. Moliner. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2001. P. 245–268.
31. *Moscovici S.* Introductory address // Papers on Social Representations. 1993. Vol. 2. No. 3. P. 160–170.
32. *Moscovici S.* La Psychanalyse: Son image et son public. 2ème ed. Paris: Presses Universitaires de France, 1976.
33. *Moscovici S.* The history and actuality of social representations // The psychology of the social / Ed. by U. Flick. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 209–247.
34. *Moscovici S.* The phenomenon of social representations // Social representations: Explorations in social psychology. S. Moscovici / Ed. by G. Duveen. New York: New York University Press, 2000. P. 18–77.
35. *Moscovici S.* Why a theory of social representations? // Representations of the social: bridging theoretical traditions / Ed. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 18–61.
36. *Moscovici S., Markova I.* Ideas and their development: A dialogue between Serge Moscovici and Ivana Markova // Social representations: Explorations

- in social psychology. S. Moscovici / Ed. by G. Duveen. New York: New York University Press, 2000. P. 224–286.
37. *Parales Quenza C.J.* On the structural approach to social representations // *Theory and Psychology*. 2005. Vol. 15. No. 1. P. 77–100.
 38. *Philogène G.* A theory of methods // *Representations of the social: Bridging theoretical traditions* / Ed. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 39–41.
 39. *Wagner W., Duveen G., Farr R., et al.* Theory and method of social representations // *Asian Journal of Social Psychology*. 1999. No. 2. P. 95–125.